

© 2012 г. В.В. Кирилова, Ю.В. Усова

УДК 321

**ПРОБЛЕМЫ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА
КАК ФАКТОР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
(НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
ВЛАСТНОЙ ЭЛИТЫ)**

Мультикультурализм как идеологическая и политическая концепция возник как ответ на глобальную потребность создания новой формы сосуществования разнородных этнокультурных сообществ в рамках традиционного национального государства. Данная потребность вызвана ростом во второй половине XX в. миграционных потоков в направлении экономически развитых стран Европы и связанным с этим образованием компактных национальных общин как формы выживания иммигрантов в новой культурной среде. В подавляющем большинстве ими были и остаются выходцы из бывших колоний, связанные с новой родиной только общностью языка, но обладающие в корне отличной идентичностью, значение которой для ее носителей было тем большим, чем более жесткую политику культурной экспансии проводили бывшие колонизаторы. «Само по себе бегство в область традиции не спасительно, здесь смешиваются смирение и гордыня, это бегство ослепляет, глаза закрываются и слепнут перед мгновением, в какое совершается история» [1, с. 283], справедливо отмечает М.Хайдеггер, характеризуя картину современной ему эпохи. И далее, провидчески рисуя конфликт идентичностей, в полной мере присущий сегодняшнему глобализму, предпринимает попытку его философского обоснования: «Человек как разумное существо эпохи Просвещения – субъект в не меньшей степени, чем человек, который понимает себя как нацию, волит как народ, пестует себя как расу и в конце концов замахивается на то, чтобы стать господином всего земного шара. Во всех этих основополагающих позициях субъективности возможны и самые разные виды эгоизма, поскольку человек не перестает определяться как я и ты, как мы и вы. Субъективный эгоизм, для которого, а он, как правило, и не ведает о том,

– «я» прежде того уже определено как субъект, может подавляться включением всего «яйного» «в наши ряды», в «мы»... Субъективизм человека достигает своей высшей точки в империализме с его планетарными масштабами. Отсюда человек может спуститься на ровную поверхность организованного единообразия и может устраиваться в нем. Такое единообразие становится самым надежным инструментом полного технического господства над землей. Свобода субъективности, присущая новому времени, без остатка расходится в сообразной ей объективности» [1, с. 299].

Идею единообразия как способа господства как нельзя лучше иллюстрирует современная американская культурная и политическая экспансия. Сами американцы позиционируют США как *страну равных возможностей*, что парадоксальным образом ведет к абсолютизации норм и принципов американского образа жизни за пределами государства. Другими словами, тот самый плюрализм, на котором зиждется американский национальный консенсус, распространяется только на «своих». Чтобы понять причины столь острого системного кризиса национально-культурных идентичностей, свидетелями и участниками которого мы являемся, необходимо обратиться к истории возникновения самого понятия «нация». В частности, автор мирового бестселлера «Кто и как изобрел еврейский народ» израильский ученый Шломо Занд отмечает современную тенденцию к «развенчанию» национальных мифов, препятствовавших установлению исторической истины. Этому процессу, по его мнению, способствовала начавшаяся в XIX в. секуляризация истории, а также современные процессы культурной глобализации. Автор справедливо замечает, что внесение ясности требуется прежде всего в толкование понятий народ и нация: «Изучение исторических и политических трудов или даже просто европейских словарей, изданных в современную эпоху, демонстрирует непрерывное перемещение смыслов внутри границ существующих терминов и понятий, в особенности созданных для истолкования изменяющейся социальной действительности» [2, с. 71], поэтому наилучшим способом дать определение этим понятиям – это проследить их историю. Исторические же факты свидетельствуют, что возникновение понятия нация (nation) связано с периодом появления первых национальных государств и обусловлено идеологическими причинами, а именно необходимостью централизации власти вокруг определенного административно-политического центра. Требовалось

обосновать общность интересов правящей элиты и населения данной территории, и тогда была выдвинута идеологема нации как некоей общности, объединенной одним происхождением, верой и рядом «исторических преданий», а попросту говоря – мифов. Но «стратегия образования правящих коллективов вокруг административных центров государственной власти... равно как и отработанная технология насаждения веры, взятая на вооружение религиозным истеблишментом, не имела ничего общего с политикой формирования национальной идентичности, начавшей зарождаться с образованием национальных государств в конце XVIII века» [2, с. 74-75]. Ее основу составила прежде всего языковая общность отдельных групп населения, проживающих на определенной территории. К этой общности стал применяться термин народ (reople). Этот термин использовался и продолжает широко использоваться разного толка националистами для обозначения древности и непрерывности нации, осознание которых, по замыслу подобного рода идеологов, должно питать патриотические чувства привлекаемых адептов. «Поскольку в основе образования наций почти всегда лежали различные культурные элементы, языковые или религиозные... можно было, прибегнув к тонкой инженерии, превратить их в крючки, а затем с профессиональным усердием подвесить на них «истории народов». «Народ» превратился в подвесной мост между прошлым и настоящим, протянутый над глубочайшей ментальной пропастью, порожденной модернизацией...» [2, с. 75-76]. Метафора «ментальной пропасти» как нельзя лучше характеризует состояние и израильской, и современной российской идентичности: хотя и в силу различных исторических причин, но обе эти общности пришли к одному и тому же результату – культурному разрыву в исторической памяти своих граждан. История большинства европейских, а также значительной части государств арабского мира развивалась линейно и поступательно, и трансформация традиций носила характер приспособления к меняющимся условиям жизни, что дает нам сегодня основание говорить о ценностях европейской цивилизации или исламских культурных ценностях. Но мы не можем сказать того же ни о России, ни об Израиле. В самом деле, можем ли мы сегодня говорить о российских культурных ценностях как о некой однородной модели? Ценностные ориентиры современных россиян неоднородны, мозаичны, а границы их – крайне размыты и подвижны. И если государство Израиль вступило на путь

реконструкции (воссоздания) своей национальной идентичности, то Российский истеблишмент избрал диаметрально противоположную позицию, предоставив своим гражданам сделать самостоятельный выбор, о чем свидетельствуют высказывания наших политиков самого высокого уровня, анализировавшиеся ранее [3, с. 265].

Как известно, поступательный исторический процесс на территории бывшей Российской империи был насильственно прерван в 1917 г., и во главу угла идеологами новой власти был поставлен концепт «пролетарского интернационализма», то есть наднациональной общности на классовой основе. Он противопоставлялся имперской политике царской России, нашедшей выражение в политической метафоре «тюрьма народов»^[1], но по сути своей был мифологемой, так как национальная политика Советского Союза только декларировала равенство, в действительности же многие группы населения подвергались дискриминации по национальному признаку. Примеров пресловутого «пролетарского интернационализма» множество: выселение ингушей и крымских татар из мест постоянного проживания, преследование евреев и «советских немцев», насильственная ассимиляция прибалтийских народов и т.п. Причем репрессии в отношении отдельных народов сопровождались разрушением их религиозно-культурных институтов, насаждением атеизма, за которым скрывалось замещение религии коммунистической мифологией. Возрождение интереса к религии в конце XX в. на постсоветском пространстве детерминировано этими процессами и есть не что иное как закономерная реакция на вытеснение этой составляющей национальной идентичности, но оно чревато другой крайностью и содержит зачатки религиозного экстремизма и шовинизма. «Хотя религиозная составляющая и играет важную роль в процессе формирования нации, не следует забывать, что именно национализм во многом определяет характер и динамику современного религиозного темперамента. Следовательно, для того чтобы крупные человеческие сообщества и прежде всего их интеллектуальные и политиче-

^[1]Автор – маркиз Астольф де Кюстин (1790-1857), французский писатель и путешественник, использовал это выражение в своей книге «Россия в 1839 году» (впервые издана в Париже в 1843 г.) для характеристики бесправного положения всего населения империи. Впоследствии выражение широко использовалось разными авторами, в том числе и В.И.Лениным, в интерпретации которого приобрело то значение, в котором мы его сегодня и используем, а именно в отношении национальной политики царизма.

ские элиты взяли собственную судьбу в свои руки и начали творить национальную историю, древний религиозный фатализм должен существенно ослабеть» [2, с. 82]. Как в своем роде исчерпывающее Ш. Занд приводит определение нации, предложенное Сталиным: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности четырех признаков, а именно: на базе общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры» [2, с. 86], но при этом отмечает, что приверженность теории классовой борьбы, через призму которой предлагалось рассматривать любые исторические процессы, помешала марксистам выработать объективный взгляд на национальную проблему, в результате «они ограничились поверхностной риторикой, основным назначением которой были борьба с идеологическими соперниками и привлечение новых адептов» [2, с. 87]. Характерными чертами современного подхода к национальному вопросу, по мнению израильского ученого, являются «ускорение информационной революции в последней четверти XX века и постепенное превращение человеческого труда в манипулирование символами и знаками» [2, с. 89]. В свою очередь, предпосылками информационной революции были становление в XV веке «капитализма печатного станка», которое нивелировало разделение между сакральными языками духовной элиты и местными наречиями, на которых говорило подавляющее большинство населения. Изобретение книгопечатания способствовало, в свою очередь, распространению «административных языков», что стало фундаментом формирования будущих национальных литературных языков. «Литературный роман и газета стали краеугольными камнями, на которых выросла новая коммуникативная арена, впервые обозначившая национальный забор, становившийся со временем все выше и выше. Географическая карта, музей и другие инструменты культуры завершили... процесс национального строительства» [2, с. 90]. Таким образом, решающую роль в национальном строительстве сыграла именно коммуникативная составляющая – литература и пресса на национальном языке, закрепившая определенные аксиологические каноны в массовом сознании.

Первый националистический кризис, с которым столкнулась европейская цивилизация, произошел 30-40 гг. XX века. Сегодня мы являемся очевидца-

ми кризиса той же природы, что и фашизм, но качественно иной, противоположной полярности – кризиса политики культурного плюрализма, или мультикультурализма. Мультикультурализм до сих пор является одним из наиболее спорных вопросов современности. Защитники мультикультурализма рассматривают его как характеристику современного глобального общества, представленного многообразием культур. Политика мультикультурализма подразумевает, что в границах одного государства сосуществуют различные этнокультурные, конфессиональные и другие образования, имеющие право на сохранение своих особенных национальных черт, образа жизни, продиктованного культурной спецификой. Но, тем не менее, мультикультурализм – это также способ контроля и регуляции мультикультурной мозаики посредством государственных и социальных механизмов.

Канцлер ФРГ Ангела Меркель, признав факт сосуществования в Германии различных культур, подвергла критике практику вульгарного мультикультурализма, которая привела к раздельному и замкнутому существованию общин в составе одного государства. В своей речи, произнесенной в ноябре 2010 года, именно эту замкнутость канцлер определила как *«абсолютный крах»* политики мультикультурализма. Премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон, выступая в феврале 2011 года в Мюнхене на международной конференции по безопасности, подчеркнул, что проблему мультикультурализма составляет не столько специфичность разных религиозных культур, представленных в современной Великобритании, сколько отсутствие у новых британцев единой гражданской, общей британской идентичности. «Отсутствие у молодых людей, выходцев из мусульманских стран других идентичностей, кроме соотнесения себя с общиной, заставляет их придерживаться извращенных интерпретаций ислама и сочувствовать террористам» [4]. В целях преодоления культурного раскола общества и установления позитивного плюрализма британский премьер предложил особую либерально-гражданскую концепцию, названную им «энергичный либерализм». Президент Франции Николя Саркози, так же, как и его коллеги по ЕС, провал стратегии мультикультурализма связывает с нарушением принципов гражданской интеграции. «Общество, в котором общины просто существуют рядом друг с другом, нам не нужно. Если кто-то приезжает во Францию, то он должен влиться в единое сообщество, являющееся национальным», [4] – отметил Н. Саркози в феврале 2011 года.

Сохранение культурного своеобразия является безусловным правом всех граждан. Однако зачастую оно отнюдь не добровольно, происходит под давлением общин и вступает в противоречие с правами других людей, с принципом равноправия и с гражданской сущностью современного общества. Этим обусловлена позиция лидеров ЕС, выступивших с критикой современной политики мультикультурализма. Эта политика, по замыслу ее архитекторов, должна была защищать гуманизм, свободу культурного самовыражения и демократию. Оказалось же, что на практике появление замкнутых поселений и кварталов ведет к возникновению в них альтернативных управленческих институтов, блокирующих деятельность избранных органов власти на уровне города и страны. В таких условиях практически неосуществима защита прав человека. Социологические исследования показывают, что молодежь в европейских странах демонстрирует гораздо меньшее стремление к интеграции, чем представители старшего поколения. Это и есть реальное выражение краха политики мультикультурализма, точнее, политики культурной дезинтеграции [5].

В феврале 2011 года на заседании Госсовета России, обсуждавшем проблемы межнационального общения, Президент нашей страны Дмитрий Медведев попытался реабилитировать слово «мультикультурализм», заметив, что новомодные лозунги о его провале неприменимы к России. Российская версия политики мультикультурализма древнее и намного сложнее по своим последствиям, чем европейская. Мультикультурализм как форма поощрения групповой, общинной идентичности был неотъемлемой частью сталинской политики создания национальных республик (союзных и автономных), а также национальных округов и областей. Однако в советское время дезинтеграционные последствия такой политики частично снималась имитационным характером всей системы автономий, за фасадом которой скрывалось единое территориально-партийное управление. Проблема обострилась в постсоветское время, когда местные элиты попытались наполнить реальным содержанием формальный и мнимый суверенитет своих республик [5]. Например, в республиках Северного Кавказа мультикультурная дезинтеграция чрезвычайно ярко проявляется в клановости, в этническом сепаратизме и в религиозном радикализме. Все это порождает почти непреодолимые преграды для управляемости региона, формирует беспрецедентную волну терроризма, не говоря уже о проблемах модернизации этой территории. Президент России так же, как и европей-

ские лидеры неоднократно связывал проблему преодоления такой раздробленности с гражданской интеграцией. Суть гражданской интеграции заключается в том, чтобы не вытеснять традиционные культуры, а дополнять их. Гражданская культура должна развиваться не вместо национальных культур, а вместе с ними. Выступая с речью на ярославском форуме 2011 года, Президент России отметил, что «наше национальное многообразие – это не только вызов, но и благо, это наше преимущество. Историческая судьба России – это сплав коллективного творчества всех народов, которые разнятся и по языку, и по религии, и по культуре, и по обычаям. Именно это разнообразие позволяло нам находить ответы на самые сложные вопросы, находить ресурсы, создавать новые знания, создавать новые силы для ответа на самые проблемные темы. Это, в конечном счете, сделало Россию страной мощной, самобытной и, что, может быть, самое главное для государства (потому что в истории человечества было много примеров разных мощных и самобытных стран), еще и жизнеспособной» [6]. Но, с другой стороны, нельзя забывать о проблемах, с которыми сталкивается российское общество. Россия – многонациональная и многоконфессиональная страна: ее населяют 180 народов и народностей. Расширяется, к сожалению, география межэтнической напряженности. Потoki внутренней миграции движутся в основном с юга на север. В местах традиционного проживания русских появляется большое количество наших граждан, которые приехали с Кавказа, а русское население кавказских республик потихонечку убывает. Это приводит к плохим последствиям: к этнической, этнокультурной замкнутости одних регионов и к возникновению трений на межнациональной почве в других регионах [6].

Политические процессы в национально-территориальных образованиях РФ, в частности, в республиках Северного Кавказа, имеют свои особенности. Курс на «коренизацию» местного государственного аппарата, то есть его формирование из представителей «титульных» национальностей, играет большую роль. В период существования СССР происходило становление этнономенклатурных классов по национальному признаку и расширение их рядов, поскольку они объединили как партийных функционеров, так и руководящих деятелей местного государственного аппарата, хозяйственные управленческие кадры и верхушку национальной интеллигенции. Распад СССР дал толчок развитию множества социальных процессов, к числу которых можно

отнести межэтническую конкуренцию. Он определил вектор политического развития региона последнего десятилетия – этнизацию государственности. По всему комплексу проблем межнациональных отношений до настоящего времени существует острое противостояние позиций внутри российской политической элиты, поскольку они непосредственно затрагивают главный вопрос российской государственности – сущность федерализма [7, с. 237].

Можно отметить, что политические элиты республик Северного Кавказа резко выделяются на фоне элит соседних областей и краев своей этнической однородностью. Коллектив ростовских исследователей под руководством В.Г. Игнатова установил, что в высшем слое элит республик насчитывается менее 10 % представителей «нетитульных» национальностей. Относительно соразмерно этническое представительство только на среднем уровне административных элит (руководители отделов, служб, министерств) [8, с. 72]. В 16 республиках РФ из 21 высшие должностные лица (президенты, главы республик и т.д.) – представители «титульных» этносов. В итоге складывается этнократия, которая проявляется во многих регионах Юга России. Этнократия имеет вполне объективные основания и значительное воздействие на политические процессы. Во многих случаях, разрастаясь и набирая силу, она препятствует дальнейшему развитию демократии, поскольку начинает существенно ограничивать интересы других социальных групп. Этнократические тенденции должны компенсироваться эффективной социальной, экономической политикой и усилиями в формировании гражданского общества на правовой основе. Серьезные шаги именно в данном направлении уменьшат значимость этнократических факторов и автоматически усилят действие общегражданских. И это основной путь в формировании гармоничной системы, сочетающей качества общегражданских и этнокультурных ценностей. Обеспечение порядка и законности не может быть поводом для дискриминации меньшинства или большинства по национальному признаку. Все национальные культуры России должны свободно развиваться, а каждый гражданин должен иметь возможность жить там, где хочет, в любом регионе. Иначе у нас не будет единой страны. И мы это должны понимать.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хайдеггер М.* Время картины мира. М., 2008.
2. *Занд Ш.* Кто и как изобрел еврейский народ. М., 2010.
3. *Кирилова В.В.* Речевые аспекты формирования национальной идентичности и имиджа России / Материалы Международной научной конференции. Владикавказ, 2011.
4. http://www.arspress.ru/news/region_news
5. <http://demagogy.ru/pain/blog/2011-03-05/k-voprosu-o-krakhe-politiki-multikulturalizma-v-evrope>
6. <http://www.gpfyaroslavl.ru/viewpoint>
7. *Гаркуша Е.В.* Этнократические региональные элиты // Элитологические исследования. Ростов-на-Дону, 2005.
8. *Баранов А.В., Вартумян А.А.* Политическая регионалистика. М., 2004.

LITERATURE

1. *Heidegger M.* The picture of the world. Moscow, 2008.
2. *Sand Sh.* Who invented Jewish people. Moscow, 2010.
3. *Kirilova V.V.* Verbal aspects of national identity and image of Russia / International scientific conference. Vladikavkaz, 2011.
4. http://www.arspress.ru/news/region_news
5. <http://demagogy.ru/pain/blog/2011-03-05/k-voprosu-o-krakhe-politiki-multikulturalizma-v-evrope>
6. <http://www.gpfyaroslavl.ru/viewpoint>
7. *Garkusha E.V.* Ethnocratic regional elites / Elitologicheskies study. Rostov-on-Don, 2005.
8. *Baranov A.V., Vartumyan A.A.* Political regionalism. Moscow, 2004.